

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

УЧИТЬ, НЕ ПОУЧАЯ

Переступаю порог служебного, «актерского» входа в академический театр имени Янки Купалы, и меня охватывает странное ощущение, прямо-таки наваждение. Вроде как мелькнула тень на лестничном марше — не Борис ли Викторovich Платонов! А за углом звенит голос Лидии Ивановны Ржецкой... Кто-то осторожно прикрывает за собою дверь гримерной — похоже, Глеб Павлович Глебов...

Наваждение, пробужденное воспоминаниями. С них-то, воспоминаний, и начался наш закулисный разговор с Марией Георгиевной Захаревич.

Начинаю с того, что, дескать, существует мнение, будто женщина — в любви ли, в дружбе, во всем! — живет стремлением затмить свою предшественницу, даже перечеркнуть все ее достоинства, чтобы стать самой-самой... Художник втайне ревнив к славе предшественника? — Вы рассуждаете сугубо по-мужски! — смеется Мария Георгиевна. — Зависть, пожалуй, — это большие привилегии мужчин. Особенно в среде художников. Ну, а если говорить серьезно, то кого ж это мы, нынешнее поколение купаловцев, могли бы «затмить»? Дай бог дотянуться, достичь того, что так блестяще являли на подмостках Лидия Ржецкая, Екатерина Миронова, Ольга Галина, Вера Полло, Стефания Станюта, Ирина Жданович, Раиса Кошельникова... Какое пленительное созвездие мастеров! А вы — «затмить». Смешно даже...

Наверное, актриса права. Традиции передаются от поколения к поколению как духовная эстафета. Можно ли четко уловить, когда и у кого актер научился быть тем, кем мы его представляем по его ролям на сцене?

— Виктор Тарасов, Лиля Давидович, Галя Толкачева, Гена Овсянников, я... мы полагаем главным своим наставником Константина Николаевича Санникова. Чего он добивался от нас? Чтобы зритель казался, что нам очень легко и радостно играть на сцене. Естественность поведения на подмостках он ценил превыше всего. Мы-то думали: это же так просто — быть естественным! А педагог наш торил дорожку к непринужденности актерского поведения через адский труд. Мне посчастливилось быть партнером по сцене Ржецкой, Платонова, Рахленко... Как они работали над ролью! Даже сидя в буфете... раскладывая пасьянс... поливая цветы на дачной клумбе... Когда в «Живом труп» платоновский Федя Протасов смотрел мне в глаза, я не могла оставить Машей Захаревич. Да, я вся преобразилась под воздействием того образа, который создавал в эту минуту великий художник...

Ухватившись за слово «преобразование», задаю давно занимающий меня вопрос. Теперь актер выходит на сцену без грима, без парика... Чаще всего мы видим его почти таким, каким он фланирует где-нибудь на прогулке. Лицедейство же остается его обязанностью, возможно, первейшей. Значит, оно как бы перешло в область внутренних перевоплощений? Как сама Мария Георгиевна становится, например, разбитной Ганной Карпиловой в «Плаче перепелки» И. Чигринова? Эта женщина жадно черпает полными пригоршнями свою бабью радость, пуская поспешно и порою как-то опрометью, а потом вдруг захлебывается от ужасного горя, обрушенного на нее то ли в наказание, то ли по слепой случайности, — как актриса «лепит» такой образ? Нечто похожее, хотя и своеобразное — и с ее Машей из «Эшелона» М. Рошина. Там тоже в военное лихолетье женщина мечта-

ет о счастье. Уж как она его понимает — ее дело. И за этой суховатой сдержанностью и даже напускной строгостью мы вдруг видим прозрачную чистоту сердцевину характера. Заботливого. Чуткого к чужому горю. Разительный контраст — между повседневным обитанием и духовной сущностью! Как «это» входит в плоть сценического образа?

— Это все, как сейчас говорят, родом из детства. А оно пришлось на тяжелое послевоенное житье. Сама-то я из принарочанской деревни. Уже с седьмого класса наравне со взрослыми трудилась в поле. И серпы наши мелькали на ниве, и косой вдосталь «играла» на лугу... Мозоли не сходили с рук. А сколько песен тогда было перепето, да каких — отчаянных до слез, удалых, озорных, задумчивых!.. О женской доле, о солдатской судьбе... Война и после Победы долго жила с нами. С вдовьими песнями гуляли на свадьбах «обрученных» еще до войны... Как аисты на гнездовье, возвращались в родные края солдаты... Строили новые хаты... Складывались — ой, как непросто! — новые семьи... Какие женщины рядом жили! И каждая по-своему красочна, особенна, будто вот «просится» на сцену. Встречала неразборчивых грешниц и одержимых одной-единственной страстью, навеки влюбленных в своего «одного-единственного»...

Понятно, почему так впечатляют героини народной артистки БССР Марии Захаревич, героини, условно говоря, народного происхождения.

Когда она дебютанткой буквально ворвалась на купаловскую сцену в спектакле «Пока вы молоды» И. Мележа в роли Гали Журавки, светилась в ней пленительная юная непосредственность с ее способностью откликнуться, деликатно промолчать, взорваться смехом, забиться в плаче или уйти в тихий мир грез. Слово бы девушка прямо из нарочанского села попала в круг действующих на подмостках лиц.

— Стала я, как у нас говорится, «голубые роли» исполнять, — грустно улыбается моя собеседница. — Много их было. Даже имен всех «своих» не помню. Вот критика иногда вспоминает меня в спектакле «Друзья и годы» Зорина, а мне помнится один лишь драматический эпизод в дуэте с Романом Филипповым — и все. Молодые мои женщины, они из-за чего-нибудь, из-за кого-нибудь страдали, на что-то уповали, разочаровывались, а значительной судьбы, знаете ли, жизненного драматизма моим простодушным Галям и Людям не было дано. Драматургия? Она, конечно. Да только и режиссура... Пока я не выступила в роли Лизы Хреновой в «Традиционном сборе» Розова, мои драматические с трагедийным оттенком задатки пропадали втуне. Тут же вдруг все увидели, что Захаревич и темперамента не занимать. И щемящие ноты неустойчивой женской души она способна передать. И строптивую характерность чувствует... А я нафантазировала себе Лизу с одной из

нарочанских своих подружек — и «влезла» в ее душу. Получилось, говорили...

Получаются у нее роли, в которые так органично входят ее жизненные наблюдения, переживания, раздумья. Веришь, когда актриса утверждает, что творческое воображение очень помогает вживанию в образ, но основывается оно, столь нужное актеру воображение, все же на том, что было в действительности. Потому так потрясает нас ее Наталья Фадеева («И смолкли птицы» И. Шамякина), захваченная неостановимой жадью познать мир собственных взрослых детей, хотя она предчувствует гибельные последствия такого познания.

Есть среди нас люди, которые стремятся докопаться до самой сути человека, его поступков, хотя догадываются, что это узнавание может принести разочарование и боль. Догадываются, и все-таки предпочитают знать, а не оставаться в благополучном неведении. Вроде совершенно ясны народные характеры героинь М. Захаревич, однако и в них раскрывается сложный духовный мир, когда они идут к облюбованной ими цели, когда жаждут идеала. Пожалуй, и секрет истинной добротели таких натур, как Ганна Чернушка в «Людях на болоте» И. Мележа или Катерина Сырварова в спектакле «Метель» Л. Леонова, состоит в поразительной способности этих персонажей глушить в себе сиюминутные порывы ради чего-то высокого и чистого. Актриса не утаивает их заблуждений. Разочарование всегда горько, но особенно митарит этих женщин несоответствие идеальных представлений с убогим результатом их недюжинных усилий...

— Да, такие роли интересны, но ждешь встреч с более цельными натурами, — признается Мария Георгиевна. — Однажды я очень была обнадеедена. Мне поручили роль Комиссара

в «Оптимистической трагедии»! Ну, думаю, схвачу за первую свою жар-птицу... Увы! То ли сроки подготовки премьеры были слишком коротки, то ли в трактовке пьесы преобладали спорные установки режиссуры, но что-то помешало сделать образ таким, каким я его видела «в глазах души своей». Профессионализм наш, как бы высоко ни ценилось это качество, полное удовлетворения нам, актерам, не дает. Мечтается всегда о большем. Возмущаться бы!

Уверен, М. Захаревич знает высокие взлеты актерского вдохновения. Варвара в «Грозе» А. Островского — из таких ее ролей. Образ, который можно назвать творением актрисы. А началось все с песни. Когда я говорю об этом, Мария Георгиевна под сурдинку напевает: «Как донской казак вел коня поить...» Я прислушиваюсь и снова вижу ее Варвару — озорную и лукавую, хитрую и отчаянную. Недаром режиссура сделала напетую на репетиции актрисой песню лейтмотивом спектакля, обрамленного этим вольнолюбивым настроением. Пусть сломлены крылья у Катерины, зато сжалась к волевою порыву Варварина душа — не будет благостной тишины в городе Калинове!

Взлетом была и Мона М. Захаревич в «Безымянной звезде» М. Себастьяна: причудливая и мечтательная, доверчивая и избалованная, эта женщина вдруг открыла в себе нечто такое, о чем и не подозревала, пока не встретила любовь. Встретила — и испугалась. Какое, оказывается, это озабочивающее и озабочивающее чувство!

Зная, как артист бывает с головой увлечен ролью, я начинаю думать, что и впрямь у него складывается какой-то особый образ жизни, особое психологическое восприятие мира...

— Вам это не мешает радо-

ваться обычному, повседневному?

— Для меня репетиция — праздник. Особенный день... Когда ищешь в своих впечатлениях то, что нужно твоей героине. Ищешь и в самой себе... Даже то, о чем никому не сказала бы, что оно в тебе есть... Мне дорого несочиненное в искусстве...

Я догадываюсь, что Мария Георгиевна касается, сейчас «тайной тайны». Пробую помочь ей определить психологию актерского поиска...

— В каждом из нас, даже самых положительных...

— Самых добродетельных, — подсказывает актриса, думая, верно, о том же.

— Да, и в самых добродетельных есть подспудный «тайный демон». От него все эти прихоти, извивы, даже постыдные мысли. Вы своего «демона» выпускаете на волю, когда репетируете?

— Да уж пощады себе не даю! То, как говорится, «от себя» идешь к роли, то от роли «к себе», но все равно тратишь все силы души. Ничего оставить в «тайне», бывает, и нельзя. Актер приговорен к публичной казни перевоплощений... Признаться, не знала я об этом, когда пускалась на дебют. Ведь собиралась в мыслях стать школьной учительницей. Впрочем, актер — сродни учителю... Мы даем уроки судьбы, хотя не поучаем зрителя...

Таковыми ролями — уроками судьбы — и запоминается зрителю актриса М. Захаревич. Все ли ею сделано, к чему она призвана и что в ее творческих возможностях? Нет, отвечает она, далеко не все, и это очень больно: говорить о неосуществленных замыслах, о несыгранных ролях. Боль эта не одной Марии Георгиевны, о том же, уверен, скажут и Л. Давидович, и Г. Толкачева. Актер отдает весь жар сердца театру. А театр?..

— Случайно ли, скажите, это наиболее обсуждается нашей общественностью! — решительно говорит М. Захаревич. — Сколько тут промахов и просчетов... Мы с Лилией Давидович всегда охотно соглашались с предложенными нам ролями в радиоспектаклях и в телевизионных постановках. Хотелось возместить то, чего не смог отдать родной сцене. Вот и Государственную премию БССР я получила за участие в спектакле радиотеатра... Мы надеемся, что в условиях начавшегося эксперимента дела у нас, в купаловском доме, пойдут лучше. Верим в нашу способность заставить режиссуру видеть за лесом — деревня, за трупой — артистов... Каждого! Скажу еще раз: репетиция для меня — отрядный труд, я сказала бы, праздничный труд. А если роль желанная, представляете, какое это счастье для художника!.. Да и для зрителя. Он-то не обманывается, знает, когда его развлекать, а когда потрясать. И делаем это мы, актеры... Мы...

— Она спохватывается и оговаривается: — Кажется, нескромно так говорить?.. Зритель верит вам, Мария Георгиевна, когда вы своим сценическим образом пробуждаете в нем нечто заветное. Верит, когда вы озабочены судьбами коллег по искусству. Верит и надеется, что впереди у вас желанные роли, от встреч с которыми богаче станем все мы!

Беседу вел Б. БУРЬЯН.

Фото А. Шаблюка.